

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

DOI: 10.31862/1819-463X-2025-1-1-39-49

ТВОРЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ М. ГОРЬКОГО И Л. АНДРЕЕВА В РЕТРОСПЕКТИВНОМ ОБОЗРЕНИИ

В. А. Мескин, С. М. Браиловский, И. Цай

Аннотация. В статье рассматриваются сложные отношения притяжения-отталкивания известных прозаиков и драматургов начала XX в., впервые анализируются именно творческие диалоги, скрытые в подтексте конкретных произведений разных жанров. Авторы доказывают, что поэма Горького «Человек» – это не только выражение писательского видения человека в движении времени, но еще и ответ Андрееву на его описания сущности человека, на его понимание экзистенциальных проблем, ранее затронутых в их памятных устных спорах, а также в таких андреевских рассказах, как «Ложь», «Мысль». Большое внимание уделяется разногласиям, выраженным в драматургии, тому, что не позволило драматургам осуществить намерение написать совместную пьесу об интеллигенции. В частности, отмечается, что мировоззренческие разногласия, сказавшиеся и на форме, и на содержании пьес «Дети солнца» Горького и «К звездам» Андреева логично отразились на обращениях к злободневности одного и на обращениях ко вневременному другому, характерных для творчества обоих художников слова в целом и существенно разводящих их. В третьей части статьи сопоставляются романы прозаиков. Доказывается, что «Сашка Жегулев» Андреева – это полемический ответ современника на «Мать» Горького, с нарочитым заимствованием для его создания ряда узнаваемых фабульных линий, деталей, других художественных частных. Таким образом, по идейному замыслу андреевское сочинение в некотором смысле представляет собой роман «Антимать». В заключение авторы приходят к выводу, что непреходящее значение творчества Андреева зиждется на его исключительно метафорической поэтике, скрытого сравнения, тогда как Горький чаще обращался к поэтике метонимической, переноса, что отчасти снижает актуальность отдельных его произведений в исторической перспективе.

Ключевые слова: Максим Горький, Леонид Андреев, творческая полемика, поэтика.

© Мескин В. А., Браиловский С. М., Цай И., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Для цитирования: Мескин В. А., Браиловский С. М., Цай И. Творческие дискуссии М. Горького и Л. Андреева в ретроспективном обозрении // Наука и школа. 2025. № 1. Часть 1. С. 39–49. DOI: 10.31862/1819-463X-2025-1-1-39-49.

CREATIVE DISCUSSIONS OF M. GORKY AND L. ANDREEV IN A RETROSPECTIVE REVIEW

V. A. Meskin, S. M. Brailovsky, Y. Cai

Abstract. *The article examines the complex attraction-repulsion relationships of famous novelists and playwrights of the early twentieth century and, for the first time analyzes the creative dialogues hidden in the subtext of specific works of different genres. The authors prove that Gorky's poem "Man" is not only an expression of the writer's vision of a man in the movement of time but also an answer to Andreev's descriptions of the essence of man, to his understanding of existential problems previously raised in their memorable oral arguments, as well as in such stories by Andreev as "The Lie", "Thought". Much attention is focused on the disagreements expressed in drama, which did not allow the playwrights to realize their intention to write a joint play about the intelligentsia. In particular, the ideological differences that affected both the form and the content of the plays "Children of the Sun" by Gorky and "To the Stars" by Andreev affected to a large degree the appeals to the topicality by the former and the appeals to the timeless by the latter, and were characteristic of the work of both writers and significantly divorced them. The third part of the article compares the writers' novels. It is proved that Andreev's "Sashka Zhegulev" is a polemic response of a contemporary to Gorky's "Mother", with deliberate borrowings of several recognizable plot lines, details, and other artistic features for his novel. Thus, according to the ideological plan, Andreev's work, in a sense, is a novel – something like "Antimother". In conclusion, the authors state that the enduring significance of Andreev's work is based on his exclusively metaphorical poetics, hidden comparisons. In contrast, Gorky more often turned to the poetics of metonymic, transference, which partly reduces the relevance of his works in a historical perspective.*

Keywords: Maxim Gorky, Leonid Andreev, creative polemics, poetics.

Cite as: Meskin V. A., Brailovsky S. M., Cai Y. Creative discussions of M. Gorky and L. Andreev in a retrospective review. *Nauka i shkola*. 2025, No. 1, part 1, pp. 39–49. DOI: 10.31862/1819-463X-2025-1-1-39-49.

Редкий автор в подтверждение высокой оценки творчества Максима Горького не обращался к оценке Марины Цветаевой. В ее ноябрьском дневнике за 1933 г. есть запись: «Горький – эпоха...». Оценка справедливая, высокая, но в ней есть другая сторона. Поэтичное слово «эпоха» в прозе означает всего лишь временной промежуток, и чрезмерная привязка художника к этому промежутку, к его текущим проблемам может не лучшим образом сказаться на актуальности этого художника в будущем, в грядущих эпохах, по крайней мере части его творений. Думается, именно такая метаморфоза случилась с Горьким, с частью его творений. Это особенно очевидно при сравнении горьковских произведений с произведениями авторов, не желавших быть, по известным словам известного поэта, «у времени в плену». Таковым был Леонид Андреев.

В конце первого десятилетия нового века критика признала М. Горького, Л. Андреева, А. Куприна, Ф. Сологуба «наиболее знаменитыми писателями» [1, с. 480]. Несомненно, самыми известными в этой четверке были тогда имена первых двух авторов. Горький имел право писать Андрееву в марте 1906 г.: «Если в лесу стоят два дерева выше других – как бы далеко они ни стояли друг от друга – все равно они будут кивать одно другому головами в бурю, они будут видеть друг друга и в тихую погоду. И днем, и ночью» [2, с. 266]. Долгие годы писатели пристально и как бы настороженно наблюдали друг за другом, находясь при этом под столь же пристальным общественным наблюдением. Андреев имел основание предполагать в письме к Горькому в августе 1911 г., что их вражда или дружба не есть только их личное дело [2, с. 314]. Более того, «споры-поединки» позволяли писателям уточнять «свои общественно-литературные взгляды» [2, с. 10].

В отношении М. Горького и Л. Андреева, как выразился Горький в очерке памяти Андреева, людей «бесчисленных разноречий», было много странного [2, с. 368]. Эти отношения с небольшими перерывами длились полтора десятка лет, причем в начальные годы они были не просто теплыми, а, можно сказать, нежными. Судя по переписке, в первые годы Андреев более Горького дорожил завязавшимися связями, но при этом именно он, по сути, испытывал их на прочность, создавая произведения далеко не горьковской тематики, проблематики, поэтики. Впрочем, создавать другое и по-другому Андреев не мог, поэтому говорить об «испытаниях» можно весьма условно. Горький вспоминает, как однажды Андреев сказал ему, что написал рассказ, который ему, Горькому, «не понравится», но при этом предложил прочитать написанное. Речь шла о рассказе «Мысль» (1902). После чтения Горький тактично похвалил новое сочинение коллеги. Андреев тогда же проницательно засомневался в искренности похвалы и был прав: позже Горький не раз отзывался о «Мысли» отрицательно. Типологически сюжет рассказа восходит к романам Ф. Достоевского. Главный персонаж этого произведения, доктор Керженцев, человек неглупый, способный на сильные чувства, всего себя употребил на замысел коварного убийства бывшего друга и соперника – мужа некогда любимой им женщины, а затем, разыгрывая из себя сумасшедшего, – на игру со следствием. Он убежден, что владеет мыслью, как опытный фехтовальщик шпагой, но в какой-то момент мысль предает своего носителя. Ей наскучило удовлетворять сторонние интересы, и Керженцев обречен доживать свой век в сумасшедшем доме.

Пройдет много лет и, вспоминая эту встречу, Горький напишет в упомянутом очерке памяти Андреева: «Леонид воспринимал мысль, как “злую шутку дьявола над человеком”; она казалась ему лживой и враждебной. Увлекая человека к пропастям необъяснимых тайн, она обманывает его, оставляя в мучительном и бессильном одиночестве пред тайнами, а сама – гаснет» [2, с. 373].

Очевидно, тогда же, после совместного чтения, между писателями состоялась жесткая дискуссия о явлении и сущности мысли в жизни человека. Горький вспоминает горячность Андреева: «Ты врешь, что тебя удовлетворяет научная мысль... Наука, брат, тоже мистика фактов: никто ничего не знает – вот истина» [2, с. 376]. Очевидно и то, что это было глубоко укорененное в нем понимание мысли, ей, «обманщице», он положительно противопоставлял подсознание и интуицию. То и другое Андреев признавал, в частности, важными инструментами в деле творчества, конкретно – в деле своего описания человека внутреннего. Много позже, в 1905 г., он пишет в личном дневнике: «Моя *мысль* враг моей работе. Надобно, чтобы я мыслил о чем-то другом, и тогда *интуиция* освобождается и смело творит свое, не опираясь на рацию и не преследуемая им» [3, с. 24].

Есть основания предполагать, что дискуссия с Андреевым в день чтения рассказа «Мысль» отложилась в памяти Горького, отразилась в творчестве. Сожалея, что Андреев «портил... обедни» тем, что вводил в свои рассказы историю их отношений, Горький сам был не совсем свободен от подобных «вводо»¹. Тогда же, неделями позже, он обратился к написанию поэмы в прозе «Человек» (1903). Она звучит как гимн Человеку, созвучна оде Человеку, которую за год до этого озвучил Сатин в пьесе «На дне», но еще в большей степени «Человек» – это гимн Мысли и, соответственно, ответ Андрееву. Оба слова, и Человек, и Мысль, как и некоторые другие абстрактные понятия, во всех позициях автор пишет с заглавной буквы. При этом, если слово Человек встречается в поэме 26 раз, то слово Мысль встречается здесь 32 раза.

Поэма «Человек» – это горьковский ответ не только на андреевскую «Мысль». Горький в очерке памяти Андреева вспоминает, что нередко они спорили и на тему смерти, и о том, что есть истина, ложь. О лжи в этом контексте следует сказать особо. Ложь, как и Смерть, в поэме упомянута многократно. Незадолго до «Мысли» Андреев опубликовал рассказ «Ложь» (1901). Семантика одного рассказа по смежности связана с семантикой другого рассказа, объединяет их и тема безумия. Публикация «Лжи» вызвала скандальный резонанс, и Горький не мог его не знать. Рассказ представляет собой монолог человека, мозг которого воспален ревностью, он болезненно ревнует любимую женщину – не имея на это и толики доводов. Она клянется в своей верности, хотя под давлением обвинений начинает сомневаться в своей невиновности. Он хочет, но не может поверить ей, им обоим страшно, «кукловод» скрыт в них самих. В конце концов ревнивец убивает свою возлюбленную, последовавшие муки утраты обостряют осознание того, что, убив ее, он не убил ложь². Авторская идея рассказа просматривается, в финальной фразе: «О, какое безумие быть человеком и искать правды! Какая боль!».

Свое отношение ко всей этой тематике – мысль, истина, ложь, безумие – Горький выразил в поэме, как всегда, безапелляционно, прямо или косвенно полемизируя с Андреевым.

«Крикливость» Горького немало лишает идейный замысел убедительности. Возможно, во всей мировой литературе трудно найти нечто более пафосное, чем поэма «Человек». Безмерная патетичность сочинения может ввести читателя в заблуждение, зародить в нем предположение, что эта вещь – пародия. Вот пример гротескных по форме и полемических по содержанию строк: «Человек! Точно солнце рождается в груди моей, и в ярком свете его медленно шествует – вперед! и – выше! – трагически прекрасный Человек!.. И тут же – вечный спутник Человека, немая и таинственная Смерть, всегда готовая поцеловать его в пылающее жаждой жизни сердце. Он знает всех в своей бессмертной свите, и, наконец, еще одно он знает – Безумие... Мысли, – противна и враждебна эта сила, бесплодная и часто глупо злая... И только Мысль – подруга Человека, и только с ней всегда он неразлучен, и только пламя Мысли освещает пред ним препятствия его пути... Но Мысль горда, и Человек ей дорог, – она вступает в злую битву с Ложью, и поле битвы – сердце Человека... Так шествует мятежный Человек – вперед! и – выше! все – вперед! и – выше!..». П. Басинский пишет об особом духе горьковской «романтической философии», в центре которой Человек как идеал противопоставлялся обычному человеку [5, с. 312].

¹ Под историей отношений он имел в виду не личные отношения, а творческие, но творческие отношения, даже самые конфликтные, думается, чаще обогащают, разнообразят литературный процесс [2, с. 381].

² Почти все вещи Андреева вызывали «шум». По поводу этого рассказа Н. Михайловский писал: «Это что-то вроде монолога душевнобольного... Может быть, это настроение художника, тщетно старающегося уловить и выразить словом истинный смысл жизни в бесконечной пестроте ее явлений» [4, с. 557].

Споры Горького и Андреева носят философский, то есть неразрешимый характер, но приходится признать, что сомнения одного по прошествии 120 лет трогают, увлекают читателя более основательно, чем безапелляционность другого. К слову сказать, «Человек» Горького смутил современников и правого, и левого толка. Символист Г. Чулков опубликовал ироничную рецензию на горьковского «Человека», увидел в нем «какую-то странную куклу в “марксистской” блузе, из кармана которой торчит Ницше в изложении г. Луначарского» [6, с. 178]. Почитатели Горького многозначительно замолчали поэму³.

Интересна и показательна заочная полемика двух авторов, традиционалиста и новатора, в области драматургии. То, что в начале века называли «театром Андреева», современник-драматург категорически не принимал.

В начале 1905 г. Горький закончил пьесу «Дети Солнца», в конце того же года Андреев завершил пьесу «К звездам». Так драматурги, как заметил Л. Долгополов, каждый по-своему ответили на проблему «детей солнца» [9, с. 474]. То, что оба сочинения роднит космический вектор, не случайность. Тогда, на рубеже веков, во многом благодаря немецкому ученому и популяризатору науки Г. Клейну, в мире в полной мере была осознана определяющая роль светила в органической жизни. Обращению к этой теме мог способствовать и «поиск новых духовных ориентиров» взамен пошатнувшихся христианских [10, с. 42]. Это осознание отразилось в творчестве десятков прозаиков и поэтов, своеобразно – в творчестве Горького и Андреева.

В 1903 г. две знаменитости задумали в соавторстве написать пьесу «Астроном», но не о звездах и звездочетах, а об интеллигенции, о ее месте в общественной жизни⁴. Совместное творчество ожидаемо не состоялось. Литератор, родственник Андреева В. Тройнов вспоминал, что Горький предложил коллеге «набросать вчерне» пьесу, чтобы затем доводить ее сообща. Тот «набросал», но Горький отверг наброски, не увидев в них баррикадных сцен. «Расхождение взглядов, – по словам Тройнова, – оказалось глубже и непримиримее, чем предполагал Андреев... Вопрос о совместной работе больше не поднимался» [2, с. 582].

Рассмотрение того, что вышло из-под пера драматургов, свидетельствует о кристичном расхождении их взглядов на жизнь, на народ, на революцию, на человека-деятеля вообще и политического в частности. Примечательно уже то, что главный герой Горького – химик-биолог, его главный научный прибор – микроскоп, он увлечен изучением проблем зарождения и движения жизни во времени, рассмотрением «водоросли под микроскопом». Он общается с инфузориями. Главный герой Андреева – астроном, его главный научный прибор – телескоп, он увлечен изучением проблем галактического пространства, зарождения и гибели созвездий. Он относит себя к «сынам вечности», с ними он общается на поприще и языке науки, с родившимися за сотни лет до него или через сотни лет после него. Рефрен его рассуждений: «Привет тебе, мой неизвестный, мой далекий друг!».

Неожиданно то, что, отправляя интеллигенцию Андреева на баррикады, сам Горький не повел туда своих интеллигентов. Он вывел на сцену тех же небожителей-недотеп, что и в предыдущей пьесе, «Дачники» (1904). В чеховских пьесах подобные типы вызывали симпатии, у Горького – не вызывают⁵. Они сочувствуют темным

³ А. Луначарский в большой статье «Горький, Максим», посвященной, в основном, именно горьковскому пониманию человека, естественно, как это виделось самому Луначарскому, не упоминает поэму «Человек» [7; 8, с. 224–240].

⁴ Первым интерес к «звездной» теме проявил Андреев, о чем говорится в цитируемом в этой работе письме М. Горького к К. Пятницкому [9, с. 454–485].

⁵ МХТ обидело то, что Горький представлял интеллигенцию дачниками по жизни. В феврале 1903 г. В. Немирович-Данченко писал А. Чехову: «Горький Горьким, но слишком много Горькиады вредно».

народным массам, но относятся к ним свысока, безразлично и, что существенно, не верят в возможность их просветления. Даже лучший из них, ученый Протасов, видит народ «мертвыми клетками в организме», «ракушками», присосавшимися ко дну символического корабля, носящего людей мысли, таких как Лавуазье, Дарвин, в солнечное будущее. Вряд ли автор сознательно вложил толику иронии в название пьесы, но она есть. Сцена обсуждения картины «К солнцу» – точка содержательной перспективы всей драмы. Ницшеанское отношение к массам перешло из прозы Горького в его драматургию⁶.

Андреев не проникся так ницшеанством, как его известный современник, принимал человека таким, как он есть, и не верил, что со временем явится какой-то другой тип человека. В этом смысле он гуманнее, демократичнее, в историческом плане убедительнее. У Андреева нивелируются социальные границы, рабочие, ученые, революционеры – все они у него деятели, объективно усилия всех их направлены на достижение общей цели в неопределенном будущем. Какие-то явления они понимают по-разному, но эти разночтения не существенны, существенно их согласие, взаимопонимание, уважение. Если и идет здесь речь о сверхчеловеке, то как о «созидателе» [12, с. 39]. Андреевская метафора – «к звездам» – достаточно прозрачна и понятна. Она непосредственно связана с точкой перспективы андреевской драмы – с высказыванием революционера Трейча: «Надо идти вперед... Если встретится гора – ее надо срыть. Если встретится пропасть – ее надо перелететь. Если нет крыльев – их надо сделать!». Так Андреев обозначил цели, которые недостижимы усилиями только революционеров или только интеллигенции.

Андреев, конечно, предвидел шокирующий эффект от равнодушия, с которым главный герой, астроном Терновский, воспринимает известие о смерти сына-революционера. Но это соответствует авторскому замыслу характера и всей пьесы, обозрению жизни с позиции вневременной: «Сейчас, в эту минуту, – рассуждает ученый, – да, в эту минуту! – родится кто-то – такой же, как Николай, лучше, чем он... Разве умер Джордано Бруно». Можно заметить, эта позиция часто задается Андреевым – и прозаиком, и драматургом, поэтому жесткой привязки ко времени, к эпохе, его сочинения не имеют. Горький – художник метонимии, Андреев – художник метафоры.

В пьесе есть ряд образов-ребусов, требующих разгадки. Например, образ безумной немой старухи, вдруг появившейся в обсерватории из ниоткуда. Возможно, она – знак безумия всего того, что творится в низовом пространстве, охваченном баррикадными боями, возможно, нечто другое. В. Тройнов предположил, что драматург ввел эту образность, чтобы досадить Горькому, зная нелюбовь к ней своего коллеги-современника.

В октябре 1911 г. Андреев пишет Горькому, что заканчивает работу над романом, который «может способствовать окончательному выяснению их писательских товарищеских отношений», пишет, что был бы «очень рад», если бы Горький принял бы эту новую вещь [2, с. 322]. Странное письмо. Трудно поверить, что Андреев действительно мог предположить, что эта новая вещь может понравиться Горькому.

⁶ За последние три десятилетия, когда стало «можно», о ницшеанстве Горького вышло много работ, прежде всего следует указать на раздел «Ницше и Горький» в упомянутой книге П. Басинского [5, с. 148–152]. У молодого Горького была и фотография мыслителя в нагрудном кармане, и чтение еще рукописных переводов, и трогательная переписка с его сестрой. Когда Ницше «присвоили» фашисты, Горький отказался от него. Он отказался от Ницше, но не от всех ницшеанских воззрений, в частном письме 1928 г. «плохой вещь» называет «евангельский гуманизм» [11, с. 415].

Речь идет о романе «Сашка Жегулев», о романе, который можно определить как «Антимать». Будто опасаясь, что коллега не поймет этого преломления одного романа в другом, Андреев перенимает у Горького ряд сюжетных линий, композиционных приемов, образов, естественно, по-своему все это перекраивая. Воспитание Саши Погодина, как и Павла Власова, не предполагало того, кем он стал. Оба героя отрицают жизненные принципы своих отцов, с любовью относятся к матерям. Обе женщины являются для героев воплощением доброты, обе понимают своих сынов, верят в правоту дела, которому отдаются молодые жизни. Большую роль в становлении Павла на путь борьбы играл Находка, у Александра – Колесников. Есть общее в средствах создания этих персонажей. Оба старше по возрасту, не устроены в жизни, ищут человеческого участия к себе у матерей своих товарищей по делу. Оба имеют схожие индивидуальные особенности – «гудящие» голоса, пристрастие к поговоркам и т. д.

Роман Горького на слуху, около 80 лет был «иконой» советской литературы, роман Андреева – мало кому известен.

Андреев создает образ своего человека, но уже из интеллигенции, внявшего «тоске излитого народа» и готового пострадать за «справедливость». Он поднимает трудовые низы на борьбу за лучшую долю, но, подняв, осознает, что тем самым лишь посеял семена бессмысленного и беспощадного бунта. Горький убеждал, что в борьбе повышается правовое сознание народа, Андреев убеждал в обратном, в неизбежности озверения и последующего возвращения жизни на круги своя: «так было – так будет».

Несущая идея романа, его поэтика направлены на отображение морального и нравственного падения главного героя, предсказуемое обращение интеллигентного романтического юноши, генеральского сына Саши Погодина, – в уголовника Сашку Жегулева. Рожденный Николаевичем, он берет пугачевское отчество – Иванович и фамилию – Жигулев, от топонима мест, где начинался путь бунтаря Разина. Деградация обусловлена самим фактом общения Саши с народом. Характеризуя представителя этого народа, повествователь многозначительно обобщает: «разбойник, как и эти, и все люди на русской земле».

Не павшие – падают, а павшие, вовлеченные в это движение, падают еще ниже. Крестьянин Еремей, присоединившись к отряду, ищет порядка, строит землянки, но скоро и его охватывает мания разрушения, одно желание – «запалить бы». Такие люди, комментирует повествователь, грабили, убивали «без разбора, без вины виновности» – и добавляет ниже: народ, привлеченный к борьбе – «страшен». Возглавив отряд, не Александр управляет событиями, события управляют им. Порядок на страхе и кулаке не победил анархию, отряд превратился в банду, мстители – в разбойников.

Несхожесть мира интеллигентного, мирного, и мира народного, бунтарского, автор подчеркивает обращением к разным стилям повествования. К подчеркнуто деликатному стилю он прибегает при описании жизни Александра дома, в пространстве мира и любви. «Да родной же мой Сашечка», – обращается сестра к брату. «Мы же влюблённые», – обращается Саша к матери. «Женя Эгмонт, задумчивая Женя Эгмонт, прекрасная Женя Эгмонт, стройная и певучая, как нильская тростинка», – обращается Саша к симпатичной ему девушке. Этот стиль контрастирует с грубым стилем описания жизни отряда – в пожарищах, разбоях, с крикливыми разговорами, лишенными и толики добродушия, сентиментальности. На справедливый упрек только что поруганной женщины Сашка кричит: «Молчать, дрянь! У–бью». Былая взаимная симпатия в отношениях Александра и Колесникова сменяется взрывами ненависти друг к другу, исходящей из глубины, из их «окаменелых сердец».

Примечательно, в конце концов андреевский народ осознает, какие злые стихии пробуждают в людях все те, кто зовет их «к топору». Тот же Еремей в итоге проклинает Александра как «злодея непрошенного», винит его в корыстолюбии. Отчего, заключает повествователь, «проснулся Саша». Мотив напрасной жертвенности центральный в романе. «Агнец божий, чистый» Саша для Колесникова, «барашком», «заблудшим барашком» называет его лесная братия, «потерявшийся белый агнец» он для откровенного бандита Соловья. Сам Погодин приходит от размышлений к убеждению, что он напрасно «бросил в жертву чистоту». Физическая нечистоплотность у Андреева часто имеет подтекст, этот подтекст присутствует и здесь, в натуралистическом замечании повествователя: «Стала шея у Саши грязная...». Л. Иезуитова убедительно писала о «собирательном портрете России в момент развала революции» в романе [13, с. 311].

Андреев скептически, как на что-то бессмысленное, смотрит здесь, во времени, на совместные союзные деяния интеллигенции и народа. Об этом сон Сашки, ему снится «крестный», Колесников, который «перекрашивает небо». Отсюда и лейтмотив обреченности, предчувствия смерти-расплаты, и сентенция: «Легко идетя по земле, когда скоро умрешь за нее». Исследователь справедливо видит здесь пример «трагического героизма» [14, с. 77]. Впрочем, другим героизм, наверное, и не может быть.

Роман венчает романтическая сцена, где Саша-Сашка «становится на колени и медленно кланяется далекому». Метафора понятная, «далекое» – это его не затемненное настоящим прошлое. Герой Андреева, ввязавшись в борьбу за светлое будущее народа, претерпевает процесс обратный тому, что претерпевает герой Горького. В финале один испытывает сострадание к судьям, другой – к себе.

Горьковская оценка книги была предсказуемо резко отрицательной, она окончательно развела писателей. «Сашку» – читал. – Так писал Горький автору романа в начале 1912 года. – Это написано плохо... Разошлись же – и расходимся все далее – мы с тобой не потому, что у нас не возникли личные отношения, а потому, что они не могли возникнуть. Нам казалось, что они возможны, но мы ошибались...». Финальная строчка этого письма несла толику издевки: «Будь здоров, расти большой...» [2, с. 327–328].

Тон этого письма определяет и фактор ревности: начиная, примерно, с 1907 года, слава Андреева стала затмевать славу Горького. Уже не все сочинения Андреева беспрепятственно размещались на страницах курируемого Горьким альманаха «Знания». Успеху Андреева в большой мере способствовала его драматургия. Биограф Андреева доказательно назвала раздел книги, описывающий конец первого десятилетия нового века в связи с ростом популярности прозаика и драматурга: «Первый – после Толстого – литератор России [15, с. 229–262].

«Сашку...» не оценили современники. Левым критикам в романе не хватало «реалистического воплощения» [16, с. 187]. Правые критики обвиняли в обращении к «фальшивой мистике» [17, с. 30]. Позднейшие андрееведы обходили и обходят его вниманием. «Сашка Жегулев» действительно не относится к лучшим сочинениям Андреева, но есть загадка в написании этой книги. Как видится, она связана с отношениями между писателями. К 1911 г. они были напряженно неопределенными, и оба литератора воспринимали это болезненно. Думается, закономерен вопрос: не хотел ли Андреев, заодно с созданием романа, прекратить мучительную неопределенность, так сказать, поставить им точку в отношениях? Так или иначе, «Сашка» поставил эту точку. Удивляться приходится не тому, что отношения прервались, а тому, что они полтора десятка лет длились и длились. Да, был взаимный коммерческий интерес, но он точно не был существенным фактором.

Горький – был человеком сильной позиции, ему все было ясно и понятно – в жизни, творчестве, мироустройстве. Но в этом таилась его слабость. «Я социал-демократ, потому что я – революционер, – писал он Андрееву, – а социал-демократическое учение, – суть наиболее революционное». И если иные известные личности из числа современников с душевным смятением говорили о своем неверии, Горький однозначно заявлял: «Бога – нет...». Он положительно воспринимал социальную жестокость с той и с другой стороны баррикад: «Убивают? Надо убивать» [2, с. 128, 129, 252].

Андреев – другое, это был человек, пожираемый сомнениями, мучимый скептическим отношением ко всем теориям обновления жизни. Сомнения, как это, может быть, ни странно, питательны для творчества. Он говорил о себе как о революционере в области мыслительной, его художества – это его рефлексия в образах: «Мне еще очень много хочется сказать – о жизни и о боге, которого я ищущу» [2, с. 128]. Авторы воспоминаний о Леониде Андрееве сходятся во мнении, что он жил в мучительных предчувствиях катастроф, что боль его героев была его болью. «Было очень много Андреевых, – писал К. Чуковский, – и каждый был настоящий» [18, с. 86]. Образно говоря, он вместе со своими героями падал в бездну, не зная, за что ухватиться, чтобы прекратить падение. Очевидно, под влиянием своего экзистенциального мироощущения он писал В. Вересаеву: «До каких неведомых и страшных границ дойдет мое отрицание?.. Бога я не прийму...» [19, с. 404]. «Не прийму» не есть неверие. Известно, Л. Толстой был человеком редкой пронизательности, в разговоре с Горьким он утверждал, что Андреев «в бога верит, и бог ему – страшен» [20, с. 284]. Очень похоже, что Толстой прав.

Горький был в зените вновь возросшей при новой власти известности, когда работал над воспоминаниями «Леонид Андреев», поэтому мог снисходительно вспомнить шутку Андреева. В этой шутке в упрек Горькому ставилось то, что тот обязывает писателя быть прежде всего революционером, «и – всего меньше – самим собою». Шутка заканчивалась словами «По этому пути шел мой хороший приятель Горький, и – от него осталось почтенное, но – пустое место» [2, с. 396]. Горький, конечно, не «пустое место», но толика «не шутки» в андреевском высказывании есть.

Переписке М. Горького и Л. Андреева предпослана большая статья К. Муратовой. В духе партийного литературоведения тех лет ее статья завершается таким выводом о судьбе андреевского наследия: «Его творческий опыт оказался на обочине широкого пути русской литературы» [2, с. 56]. Очень скоро обнаружилась неправота этого вывода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белый А.* Начало века. М.: Союзтеатр, 1990. 687 с.
2. *Муратова К. Д.* Максим Горький и Леонид Андреев // Литературное наследство. Т. 72: Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. М.: Наука, 1965. 630 с. С. 9–60.
3. *Андреев Л. Н.* S.O.S. Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918–1919). М.–СПб.: Atheneum-Феникс, 1994. 598 с.
4. *Михайловский Н.* «Рассказы» Леонида Андреева. Страх жизни и страх смерти // Литературная критика. Статьи о русской литературе XIX – начала XX века. Л.: Художественная литература, 1989. С. 541–558.
5. *Басинский П. В.* Горький. М.: Молодая гвардия, 2006. 451 с.
6. *Семенова А.* Влияние эмпириомонистических идей А. Богданова на М. Горького // Максим Горький: pro et contra. Антология. Современный дискурс. СПб.: Изд-во РХГА, 2018. С. 173–203.

7. Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком. М.–Л.: Госиздат, 1928. 480 с.
8. Большая советская энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1930. Т. 18. С. 224–240.
9. Долгополов Л. К. М. Горький и проблема «Детей солнца» (1900-е гг.) // Максим Горький: pro et contra. Антология. Современный дискурс. СПб.: Изд-во РХГА, 2018. С. 454–484.
10. Болдырева Т. В. «Астрономический» код в драматургии Л. Андреева (опыт анализа пьесы «К звездам») // Вестн. Самарского гос. ун-та. 2007. № 5/3. С. 40–46.
11. Федин К. Александр Блок // Александр Блок в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Художественная литература, 1980. Т. 2. С. 412–420.
12. Беляев Д. А. Экзистенциально-психологическая рефлексия об идее сверхчеловека в творчестве Л. Н. Андреева // Аналитика культурологии. 2013. № 1 (25). С. 36–40.
13. Иезуитова Л. А. Леонид Андреев и литература Серебряного века: избр. тр. СПб.: Петрополис, 2010. 738 с.
14. Красильников Р. Л. К проблеме героического в теории и истории литературы // Вестн. Московского ун-та. Сер. 9: Филология. 2010. № 2. С. 70–80.
15. Скорород Н. Леонид Андреев. М.: Молодая гвардия, 2013. 430 с.
16. Кадмин Н. Критические очерки // Новая жизнь. 1912. № 1. С. 187.
17. Крайний А. (Гиппиус З.). Обозрение. Что пишут. Мистика Л. Андреева // Русская мысль. 1912. № 1. С. 25–31.
18. Книга о Леониде Андрееве. Воспоминания М. Горького, К. Чуковского, А. Блока и др. Берлин – Петербург – Москва: Изд-во З. И. Гржебина, 1922. 200 с.
19. Вересаев В. Собр. соч. в 5 т. М.: Правда, 1961. Т. 5. С. 395–422.
20. Горький М. Лев Толстой // Собр. соч. в 25 т. М.: Наука, 1973. Т. 16. С. 260–312.

REFERENCES

1. Belyu A. *Nachalo veka*. Moscow: Soyuzteatr, 1990. 687 p.
2. Muratova K. D. Maksim Gorkiy i Leonid Andreev. In: *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 72: Gorkiy i Leonid Andreev. Neizdannaya perepiska. Moscow: Nauka, 1965. 630 p. Pp. 9–60.
3. Andreev L. N. *S.O.S. Dnevnik (1914–1919). Pisma (1917–1919). Statyi i intervyyu (1919). Vospominaniya sovremennikov (1918–1919)*. M.– St. Petersburg: Atheneum-Feniks, 1994. 598 p.
4. Mikhaylovskiy N. “Rasskazy” Leonida Andreeva. Strakh zhizni i strakh smerti. In: *Literaturnaya kritika. Statyi o russkoy literature XIX – nachala XX veka*. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1989. Pp. 541–558.
5. Basinskiy P. V. *Gorkiy*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2006. 451 p.
6. Semenova A. Vliyaniye empiriomonisticheskikh idey A. Bogdanova na M. Gorkogo. In: *Maksim Gorkiy: pro et contra. Antologiya. Sovremennyy diskurs*. St. Petersburg: Izd-vo RKhGA, 2018. Pp. 173–203.
7. Sbornik statey i vospominaniy o M. Gorkom. Moscow–Leningrad: Gosizdat, 1928. 480 p.
8. Bolshaya sovetskaya entsiklopediya. Moscow: Sov. entsikl., 1930. Vol. 18. Pp. 224–240.
9. Dolgoplov L. K. M. Gorkiy i problema “Detey solntsa” (1900-e gg.). In: *Maksim Gorkiy: pro et contra. Antologiya. Sovremennyy diskurs*. St. Petersburg: Izd-vo RKhGA, 2018. Pp. 454–484.
10. Boldyreva T. V. “Astronomicheskyy” kod v dramaturgii L. Andreeva (opyt analiza pyesy “K zvezdam”). *Vestn. Samarskogo gos. un-ta*. 2007, No. 5/3, pp. 40–46.
11. Fedin K. Aleksandr Blok. In: *Aleksandr Blok v vospominaniyakh sovremennikov: in 2 vols*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1980. Vol. 2. Pp. 412–420.
12. Belyaev D. A. Ekzistentsionalno-psikhologicheskaya refleksiya ob idee sverkhcheloveka v tvorchestve L. N. Andreeva. *Analitika kulturologii*. 2013, No. 1 (25), pp. 36–40.

13. Iezuitova L. A. *Leonid Andreev i literatura Serebryanogo veka*. St. Petersburg: Petropolis, 2010. 738 p.
14. Krasilnikov R. L. K probleme geroicheskogo v teorii i istorii literatury. *Vestn. Moskovskogo un-ta. Ser. 9: Filologiya*. 2010, No. 2, pp. 70–80.
15. Skorokhod N. *Leonid Andreev*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2013. 430 p.
16. Kadmin N. Kriticheskie ocherki. *Novaya zhizn*. 1912, No. 1, p. 187.
17. Krainiy A. (Gippius 3.). Obozrenie. Chto pishut. *Mistika L. Andreeva. Russkaya mysl*. 1912, No. 1, pp. 25–31.
18. Kniga o Leonide Andreeve. Vospominaniya M. Gorkogo, K. Chukovskogo, A. Bloka i dr. Berlin – Peterburg – Moskva: Izd-vo Z. I. Grzhebina, 1922. 200 p.
19. Veresaev V. *Coll. works in 5 vols*. Moscow: Pravda, 1961. Vol. 5. Pp. 395–422.
20. Gorkiy M. Lev Tolstoy. In: *Coll. works in 25 vols*. Moscow: Nauka, 1973. Vol. 16. Pp. 260–312.

Мескин Владимир Алексеевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

e-mail: vameskin@yandex.ru

Meskin Vladimir A., ScD in Philology, Professor, Russian and Foreign Literature Department, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

e-mail: vameskin@yandex.ru

Браиловский Сергей Михайлович, аспирант II курса филологического факультета, направление «Филология», Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

e-mail: brailovskysergei@yandex.ru

Brailovsky Sergey M., PhD post-graduate student, Year 2, Faculty of Philology, Philology direction, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

e-mail: brailovskysergei@yandex.ru

Цай Ицин, аспирант II курса филологического факультета, направление «Филология», Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

e-mail: c1123485073@gmail.com

Cai Yiqing, PhD post-graduate student, Year 2, Faculty of Philology, Philology direction, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

e-mail: c1123485073@gmail.com

Статья поступила в редакцию 22.06.2024

The article was received on 22.06.2024